

— Кто здесь?!

— Младший по поколению Шао Цзюсяо приветствует главу Чу.

Стоило человеку в алом назвать свое имя, как лица присутствующих вновь переменялись. В глазах Чу Жун мелькнуло едва уловимое выражение, и она, слегка утратив былую невозмутимость, невольно воскликнула:

— Ночной Демон Шао Цзюсяо?!

Тем временем мужчина в алом уже вовсе вальяжно вошел в главный зал. Проходя мимо Фэй Цзиня, он не преминул задорно подмигнуть ему и лишь затем соизволил ответить главе Саньфэнью:

— Собственной персоной.

Жаль только, Фэй Цзинь толком не разглядел его лица, и вся эта кокетливая попытка объясниться без слов пропала даром. Зато юноша искренне обрадовался и воскликнул:

— Сяо Хун? Ты-то как здесь оказался? Тебя тоже обвиняют в убийстве?

— Глупости!

— Заткнись!

— Сяо Хун?!

Три голоса прозвучали разом — они принадлежали ученице, супругу главы Ван Чаоши и самому Шао Цзюсяо.

Шао Цзюсяо, очевидно, слегка поперхнулся от такого новоиспеченного прозвища. Он опустил взгляд на свои алые одежды, затем перевел его на темно-зеленый, иссиня-черный халат Фэй Цзиня, и в голове его невольно всплыла поговорка об идеальной паре: «Зеленый лист оттеняет алый цветок». От этой мысли он не сдержал тихой усмешки.

Фэй Цзиню тоже стало немного неловко, и он поспешил оправдаться:

— В прошлый раз я позабыл спросить твое имя, вот и придумал то, что полегче запомнить. Так ты, выходит, Ночной Демон Шао Цзюсяо? Пять иероглифов, как же длинно.

«До чего же витиевато зовут людей у подножия гор, — мысленно рассудил он, — но Сяо Хун

все же как-то привычнее».

Шао Цзюсяо не на шутку развеселился и с улыбкой поправил его:

— Моя фамилия Шао, а имя — Цзюсяо. Что же до «Ночного Демона», то это лишь ласковое прозвище, которым меня наградили братья по боевому миру, пустое. Впрочем... теперь я нахожу, что «Сяо Хун» звучит весьма недурно.

Видя, что тот нимало не разгневан, Фэй Цзинь тоже приободрился. Он рассудил, что Сяо Хун — вернее, Шао Цзюсяо — обладает отменным нравом, почти как его наставник, и ему захотелось побеседовать с ним подольше.

Однако люди из Саньфэнью явно не горели желанием созерцать их дружеские излияния. Чу Жун сжала пальцами подлокотник кресла и ледяным тоном оборвала их:

— Довольно. Саньфэнью — не место для ваших бесчинств. Ночной Демон, зачем ты пожаловал?

Шао Цзюсяо обернулся к гробу, и лицо его вмиг приняло скорбное выражение:

— Ваш покорный слуга, разумеется, явился ради прекрасной девы. Как жаль, что Бессмертная дева Светлой Луны ушла в самом расцвете сил, столь внезапно увял этот нежный цветок... Какая потеря! Какая жалость!

Изливая стенания, он неторопливо подошел к телу Чу Цзы и принялся кружить вокруг гроба, то и дело охая и вздыхая с таким сокрушением, будто вот-вот разразится поминальной одой. Его причитания подействовали на остальных, и в зале вновь послышались скорбные всхлипы.

Лишь Чу Вань и Чу И, что недавно порывались проучить Фэй Цзиня, выказали явное нетерпение. Чу И и вовсе язвительно бросила:

— Шао Цзюсяо, полно тебе лить крокодиловы слезы. Во всем боевом мире прекрасно знают, что ты за птица. Чего ради ты оплакиваешь мою кузину Чу Цзы? Оттого ли, что ее отравили ядом, или оттого, что она скончалась не вовремя, так и не дав тебе вкусить ее благоухания?

— Дерзость! — резко оборвала племянницу Чу Жун, метнув на нее столь грозный взгляд, что девица так и съежилась, мгновенно прикусив язык.

Пока та безмолвствовала, Фэй Цзинь потянул Шао Цзюсяо за край одежды и негромко спросил:

— Великий воин Шао, а что значит «вкусить благоухания»? И отчего они так косо на тебя смотрят?

Завидев, как юноша уставился на него своими большими, чистыми, полными живого любопытства глазами, Шао Цзюсяо словно под подсознательным порывом протянул руку и слегка ущипнул его за щеку, со всей серьезностью пояснив:

— Ну, примерно вот это и значит.

— А? Вот как. — Фэй Цзинь озадачился: с чего бы Шао Цзюсяо вздумалось щипать за щеку Чу Цзы? Неужели у подножия гор в боевом мире так заведено?

— Что же до их диковинного ко мне отношения, — продолжил Шао Цзюсяо, — так это оттого, что у вашего покорного слуги есть маленькая слабость. Больше всего на свете люблю я под покровом ночи проникать в девичьи покои, чтобы коротать с прелестницами благословенные...

— Почтенный Шао, попридержите язык.

Чета главы клана не могла стерпеть подобных легкомысленных речей у гроба дочери, и Чу Жун вновь заговорила:

— Нам прекрасно известно твое имя, равно как и твои повадки. Ради моей ли дочери ты явился, мне известно лучше твоего, да и нрав Чу Цзы мне хорошо известен. Это дело тебя не касается. Что именно ты имеешь сказать?

Смысл ее слов был ясен: если нечего сказать по делу — прикуси язык, потому что главным виновником для них по-прежнему оставался Фэй Цзинь.

Окажись на месте Шао Цзюсяо кто иной, его бы выгнали из усадьбы, прежде чем продолжить допрос.

Однако с Ночным Демоном шутки были плохи.

Сказать по правде, прозвище «Ночной Демон», закрепившееся за ним в боевом мире и за версту отзывавшееся чем-то разбойным, досталось ему неслучайно — благонаравием он и впрямь не отличался. Был он по сути своей похитителем... словом, любителем ночных визитов в женские покои.

И все же почтенные мужи боевого мира не решались в открытую именовать его обычным воришкой или разбойником, посягающим на девичью честь.

А все потому, что вел он свои дела на редкость причудливо и представлял собой фигуру крайне опасную. Большинство подобных разбойников в боевом мире славятся отменным искусством легкости, бегают быстрее ветра и не оставляют следов, стяжая славу лишь в глухих переулках.

Ночной Демон Шао Цзюсяо был слеплен из совсем другого теста.

Во-первых, его искусство легкости было из рук вон плохим. До такой степени, что большинство воинов боевого мира могли обогнать его в беге.

Казалось бы, при таких талантах его должны были давно поймать, связать и избить при первой же попытке проникнуть в чужой дом. Несмотря на это он преспокойно разгуливал на свободе, и тут на сцену выходило второе обстоятельство: его боевое мастерство было невероятно высоким.

Шао Цзюсяо был воином, истинным мастером меча, к тому же питавшим слабость к честным поединкам лицом к лицу. В бою он двигался с таким изяществом и размахом, а клинок его разил подобно радуге, что всякий, кому довелось видеть его мастерство, замирал в восхищении перед этой силой и красотой.

Конечно, каким бы искусным ни был твой меч, против целого мира не погрешь, если грехи твои тяжки. Стоит главе союза боевых искусств издать указ о поимке и уничтожении, и любой мастер быстро превратится в мертвеца. А потому истинной причиной, позволившей Шао Цзюсяо чувствовать себя как рыба в воде, стало его собственное, весьма причудливое понимание «охоты за цветами».

В своих поступках Ночной Демон сочетал черты и праведника, и злодея: он искал любовных утех, но никогда не опускался до подлости.

Сам себя он величал не иначе как благородным мужем среди цветов. Любя всем сердцем земных красавиц, он презирал насилие, утверждая, что истинное торжество духа — это когда дева сама отворяет двери и приглашает его войти.

А потому, покуда приглашения не поступало, он держался на строгом расстоянии.

Но стоило красавице зазвать его — и будь то муж или дева, связана ли она узами брака или свободна, и сколько бы засад ни поджидало его на пути, он непременно держал слово. Пробиваясь сквозь любые преграды, он являлся под покровом ночи, потому что «нельзя обманывать надежды прекрасных дев».

Кому-то могло показаться: много ли найдешь проку от такой охоты? Какая приличная дева станет сама звать к себе подобного гостя?

Ан нет, звали.

А все потому, что Шао Цзюсяо был человеком невероятной красоты.

Все воины боевого мира свято верили, что его правила — чистая правда, а не вымысел, потому

что всякий, кто хоть раз видел Шао Цзюся, признавал: первой красавицей во всем боевом мире был он сам.

Кое-кто из любителей досужих сплетен даже поговаривал, будто лицом он не уступал знаменитой Лю Кэжэнь, что двадцать лет назад звалась первой красавицей Поднебесной.

Жаль только, сам Шао Цзюся к самолюбванию склонен не был и в зеркало гляделся редко, предпочитая смиренно дожидаться, пока земные красавицы призовут его, чтобы явиться к ним в ночи и воротиться прочь, исчерпав весь пыл.

Слава его не была черной, но и белой ее назвать язык не поворачивался; мастерство имел великое, а сам был неотразим и навязчив, точно назойливая муха — вот отчего глава Чу Жун не могла просто выставить его за ворота Саньфэньу и вынуждена была терпеливо выслушивать, с чем он пришел.

Конечно, это ничуть не мешало почтенным воительницам тайком коситься на него и одновременно презирать, отчего и обхождение с ним казалось столь диковинным.

Шао Цзюся, привыкший к подобному, не обращал внимания на эти явные и тайные взгляды. Он чинно вскинул руки перед Чу Жун:

— Я пришел заявить, что человек, лишивший жизни Бессмертную деву Светлой Луны, — никак не этот молодой воин Фэй.

— Какие у тебя доказательства?

Чу Вань и Чу И тут же поддакнули:

— Верно! Ты здесь человек чужой, откуда тебе знать дела нашей усадьбы? С какой стати ты заявляешь, будто не этот разбойник убил ее?

Фэй Цзинь, напротив, несказанно обрадовался:

— Великий воин Шао, откуда ты узнал? Ты поистине хороший человек!

У остальных от этих слов лица аж перекосило от злости — неужели он намекает, что они-то как раз люди недобрые?

Смех да и только! Этот Фэй Цзинь вчера открыто, у всех на виду нанес оскорбление Бессмертной девице Светлой Луны, затем учинил грабеж в трактире, поев без спросу, да еще и припугнул хозяина постоянного двора. С топором в руках, сплошь дышащий злобой, любой встречный без колебаний признал бы в нем убийцу. С какого же перепугу он смеет винить их?

Да он весь Янчжоу вверх дном перевернул!

Однако Ночной Демон Шао Цзюсяо, очевидно, был тем самым одиннадцатым из десяти. Он с легкой усмешкой мазнул взглядом по Чу Жун и Ван Чаоши, вовсе проигнорировав Чу Вань и Чу И, и принялся с расстановкой излагать свои доводы:

— Боевое мастерство молодого воина Фэя намного превосходит умения Бессмертной девы. Почтенный Ван этого приметного факта, может, и не усмотрел, но главе Чу это наверняка доподлинно известно. Вздумай он лишить девицу жизни, к чему ему эти хлопоты с отравой?

Ван Чаоши, чье слабое мастерство так бесцеремонно выставили напоказ, увял от смущения и украдкой покосился на супругу. Однако Чу Жун осталась безучастной, лишь внимательно слушала.

— Это не может служить доказательством, — отозвалась она.

Пусть речи Шао Цзюсяо и согласовывались со здравым смыслом (да и сам Фэй Цзинь недавно заявлял о том же), однако в мире свершается немало злодеяний, ведомых чужой коварной душой, и людские помыслы непостижимы. Одними лишь догадками вину с Фэй Цзиня не снять.

Шао Цзюсяо не спешил. Он привел еще несколько доводов о том, что Фэй Цзинь и Чу Цзы не имели былых распрей, чтобы идти на убийство ради сокрытия следов, а под конец вдруг усмехнулся. Сделав шаг к гробу, он уставился на лицо Чу Цзы, казавшееся мирно спящим:

— К тому же... неужели почтенные воители и впрямь уверились, что Бессмертная дева Светлой Луны пала именно от яда? Что это за отравы и каким образом ее поднесли?

Фэй Цзиню Шао Цзюсяо казался теперь верхом благоразумия, сущим единомышленником, да и алый наряд его радовал глаз все сильнее. Он не удержался от похвалы:

— Сяо Хун, до чего же ты умен!

«Ай-яй, опять ненароком вырвалось «Сяо Хун», — корил он себя, — все из-за того, что прозвище больно ладное».

Пока он сокрушался о сорвавшемся слове, остальные едва не лопались от злости: на землях Саньфэнью их же людей попрекает в скудоумии парень, подозреваемый в убийстве госпожи этого клана! Такое стерпеть было выше всяких сил.

Лишь в глазах членов семьи Чу мелькнула мрачная тень. В конце концов Чу Жун, взвесив все, призналась без утайки:

— Твоя правда. Нам и впрямь не удалось установить причину кончины А-Цзы.

Они действительно понятия не имели, отчего умерла Чу Цзы!

Все случилось буквально за одну ночь: дыхание пресеклось, сердце замерло, на теле — ни единой царапины, а серебряная игла для проверки на яд не темнела вовсе. Все выглядело так, словно девица мирно скончалась от старости, обратившись в бессмертного духа.

Да только Чу Цзы исполнилось всего шестнадцать лет, самый цвет молодости — откуда взяться кончине от старости?!

Шао Цзюсяо, услышав это, улыбнулся:

— Значит, и почтенные хозяева не имеют твердой уверенности. Глава Чу, если так, хватать первого встречного и нарекать его убийцей без должного дознания — даже если этот молодой воин Фэй сложит здесь голову, принесет ли это покой душе Бессмертной девы? Подумайте хорошенько: истинный злодей, часом, не смеется ли сейчас в кулак, притаившись в тени?

Чу Жун и Ван Чаоши выказали явное колебание, однако супруг главы все же возразил:

— Но это еще не доказывает, что он не причастен к убийству!

— Нет, я могу доказать, — Шао Цзюсяо вдруг самодовольно улыбнулся и подмигнул Фэй Цзиню. Жаль, юноша опять ничего не разглядел, лишь услышал слова почтенного воина Сяо Хуна: — Могу засвидетельствовать, что молодой воин Фэй прошлую ночь напролет мирно спал у себя на постоялом дворе. Днем нам довелось мельком свидеться, и лицо его показалось мне столь примечательно, что я всю ночь просидел на крыше напротив, попивая вино да любуясь прекрасным лицом, и не отлучался ни на миг.

В зале Саньфэньу воцарилась гробовая тишина.

Все присутствующие как один сперва невольно поправили цветы на собственных макушках, затем ощупали свои лица и принялись тщательно переваривать слово «прекрасное лицо», которым Шао Цзюсяо одарил Фэй Цзиня, силясь сопоставить это описание с юношей.

Однако, всласть посравнивав Фэй Цзиня с самим Шао Цзюсяо, воительницы единодушно пришли к выводу: у Ночного Демона ну очень специфический вкус. Кое-кто и вовсе едва сдерживал порыв подскочить к нему, схватить за грудки и во весь голос прокричать в ухо совет почаще глядеться в зеркало, чтобы взрастить в себе хоть какие-то нормальные пристрастия.

Да-да, о высоком стиле никто уже и не помышлял, просили хотя бы о нормальности.

Лишь сам виновник переполоха вальяжно усмехнулся, похлопал Фэй Цзиня по плечу и с полной искренностью произнес:

— Истинная красота сокрыта в костях, а не в коже. В моих глазах молодой воин Фэй подобен чистому лотосу, восставшему из прозрачных вод, — естественная прелесть, лишенная прикрас. Ты безупречен во всем, так что нечего слушать чужие пересуды.

— А? Вот как, — Фэй Цзинь, который решительно не видел выражения чужих лиц и знать не знал, что девицы его порядочно презирают, услышав похвалу от Шао Цзюсяо, принял ее без лишней скромности: — Мой учитель тоже частенько мне так говорит.

Слова про «лотос из прозрачных вод» Шэнь Кунмин твердил ему без конца. «Надо же, а Сяо Хун-то, оказывается, книгочей, — понял юноша, — сущий единомышленник!»

Шао Цзюсяо на миг опешил, а затем уголки его губ поползли вверх:

— Значит, наставник молодого воина Фэя — весьма занятный человек.

Глава Чу Жун, которую, видимо, окончательно одолел недуг, снова низко опустила голову и глухо закашлялась. Лишь затем она отвернулась, долгим взором окинула покоящееся в гробу тело любимой дочери и спросила Шао Цзюсяо, готов ли тот поручиться собственной честью за правдивость своих слов.

Спросила и тут же осеклась, вспомнив, что у такого похитителя... кхм, не воришки, а воина, у такого похитителя девичьих сердец о чести и говорить-то смешно.

Однако Шао Цзюсяо проявил завидную легкость нрава и без колебаний поклялся: если в речах его кроется хоть капля лжи, пускай отныне ни одна красавица не позовет его скоротать благословенную ночь. Для такого повесы подобный обет был куда страшнее любых посулов о чести и достоинстве.

Чу Жун долго молчала, а затем вдруг задала Фэй Цзиню вопрос, совершенно не вязавшийся с делом:

— Молодой воин Фэй, откуда у почтенного этот топор?

— Топор? Да нет у меня никакого топора. У меня лишь меч, что передал мне наставник, — фамильный драгоценный меч нашего ордена.

— ...Я поняла. Можете идти, — Чу Жун запнулась, тихо вздохнула и откинулась на спинку кресла. На ее лице, всегда хранившем печать непреклонной власти, наконец проступила глубокая усталость.

Сейчас Чу Жун куда больше походила на мать, только что потерявшую дитя, и это зрелище невольно внушало жалость.

Даже Шао Цзюсяо не ожидал, что она столь легко отпустит Фэй Цзиня. Похоже, что бы там ни болтали окружающие, сама глава усадьбы подозревала в содеянном кого-то совсем другого.

Впрочем, то были внутренние распри клана Саньфэнь, и лезть в них без нужды не следовало. А потому он подал Фэй Цзиню знак глазами, веля следовать за ним и поскорее уносить ноги. Бедный повеса, исходивший вдоль и поперек весь цветник боевого мира, и сам попался на удочку этих чистых, ясных глаз юноши, так и не сообразив, что попросту растрачивал свое очарование перед слепцом.

К несчастью, если одни не желали выставить домашний позор на всеобщее обозрение, то другие жаждали воспользоваться суматохой.

Мать с дочерью, Чу Вань и Чу И, пошумев всласть, наконец поняли, что этот парень по имени Фэй Цзинь, хоть и напускает на себя свирепый вид, на деле — сущий глупец.

Поначалу они полагали, будто он прикидывается простаком, чтобы язвительно поддевать их намеками. Но стоило ему ткнуть в топор и наречь его фамильным мечом — так это ж не хитрость, а чистое слабоумие! Да тут даже слепой увидит, что парень не в своем уме. Назвать оленя лошадью — и то не так нелепо.

Чу Вань подала знак дочери, и Чу И с приторной улыбкой преградила дорогу юноше:

— Молодой воин Фэй, не спешите.

Бум! Фэй Цзинь и не подумал сбавлять шаг, со всего маху врезавшись в нее. Чу И никак не ожидала, что тот поперет напролом, отчего молодая госпожа, застигнутая врасплох, полетела вверх тормашками, приняв крайне непристойную позу.

В главном зале снова послышались смешки, которые воительницы поспешно прятали в рукавах.

— Воительница, вы целы? Вы уж простите, я просто задумался о своем и не заметил, что вы так внезапно подскочили. Да только отчего вы так нетвердо стоите на ногах? Плохо, видимо, тренировались, — Фэй Цзинь рассудил, что до Бессмертной девы Светлой Луны ей как до луны пешком. Хоть Чу Цзы и уступила ему в бою, но мастерство имела отменное, просто удача от нее отвернулась.

Чу И так и сгорала от стыда и ярости, к тому же ушибленное лицо нещадно ныло. Этот дурак мало того что прилюдно обозвал ее неумехой, так еще и первым употребил слово «внезапно», выставив все так, будто она сама выскочила без предупреждения и накликала беду, а он тут ни

при чем.

«Хм, в одной короткой фразе столько скрытых смыслов, да он просто мастер в домашних интригах!» — подумалось девице.

«Мастер домашних интриг» Фэй Цзинь меж тем с виноватым видом добавил:

— Наставник говорил, что мужам и девам не пристало касаться друг друга, к тому же зрение у меня неважное, так что вы уж как-нибудь сами поднимайтесь, воительница.

Стиснув зубы, Чу И кое-как поднялась на ноги и, даже не удосужившись отряхнуть пыль с платья, выпалила:

— Топор! Ты недавно намекнул, будто Бессмертную деву убил кто-то из наших, получается, мы все под подозрением. Если так, глава!

Она обернулась к Чу Жун, приняв вид блюстительницы высшей справедливости:

— Отчего бы не поручить молодому воину Фэю, как лицу, «совершенно свободному от подозрений», самолично дознаться до причин убийства кузины? А?

Глава еще не успела раскрыть рта, как Ван Чаоши помрачнел лицом:

— Это дела семейные, с какой стати вмешиваться чужакам!

Тут к ним неторопливой грациозной походкой приблизилась доселе безмолвствовавшая Чу Вань:

— Зять, неужели тебе не приспичило выведать, кто погубил А-Цзы?

— ...

Пока семейство Чу вовсю скрещивало мечи в словесной перепалке, Фэй Цзинь рассудил, что спустился с гор исключительно ради того, чтобы стать врагом всего боевого мира, а в сыском деле не смыслит ничего, и уже собрался было отказаться. Однако долго молчавшая Чу Жун вдруг вскинула голову, единым жестом оборвала распрю сестры и зятя и самолично сошла с помоста. Встав перед Фэй Цзинем, она произнесла веское слово, не терпящее возражений:

— Молодой воин Фэй, рассчитываю на вашу помощь.

В этот миг они оказались так близко, что Фэй Цзинь отчетливо ощутил исходящую от Чу Жун

тяжелую, невыветримую скорбь.

Это невольно напомнило ему один случай на горе. Как-то глубокой ночью ему не спалось, и он решил отправиться в чащу проведать своих «лесных друзей», но у самого края обрыва приметил наставника.

Этот мужчина, вечно ленивый, будто лишенный костей и всякого благообразия, сидел на огромном валуне. Его блеклые одежды сливались с бледной кожей, а сам он негромко изливал душу безжизненной, холодной луне.

И твердил он без конца лишь одну-единственную строчку: «Чем больше в человеке чувства, тем более блёклыми они становятся».

Фэй Цзинь не ведал, что такое чувства, и не понимал смысла этих слов, но сердцем почувал, какая невыразимая тоска окутала наставника, отчего и у него самого беспричинно защемило в груди.

— Ладно, — юноша в замешательстве почесал затылок, чувствуя, что отказать этой женщине сейчас было бы верхом жестокости.

Стоявший подле Шао Цзюсяо, не имея сил помешать упрямцу, лишь тяжело вздохнул и, шагнув вперед, вызвался помочь:

— Раз так, я тоже подсоблю, что скажет глава? Все одно — одна голова хорошо, а две лучше. К тому же, вздумай молодой воин Фэй проявить предвзятость, ваш покорный слуга присмотрит за ним. Ну а если кто иной вознамерится строить козни за нашей спиной, я спуску не дам.

Он приложил ладонь к рукояти висевшего на поясе длинного клинка и мягко улыбнулся:

— Пусть в боевом мире и болтают, будто я лишь срываю цветы, но не лишаю жизни, однако этот Меч Беспутства тоже, бывало, вкушал крови.

То была чистой воды угроза, отчего лица Чу Вань и ее дочери знатно перекошило.

Лишь Фэй Цзинь с изумлением повернулся и, тщась пошире раскрыть глаза, уставился на пояс Шао Цзюсяо:

— Ого, великий воин Сяо Хун, так это и есть твой фамильный драгоценный меч? Отчего же он так разительно отличается от моего?

«Неужели ныне у подножия гор фамильные мечи куют столь вольно и разболтанно?» — подивился он.

Узкий, тонкий, неказистый — в руке, наверное, и лежать-то толком не будет. Фэй Цзинь удовлетворенно кивнул, решив, что его собственный меч куда краше. Впрочем:

— Меч Беспутства... а имя-то ладное. К слову, мой драгоценный клинок зовется «Шэнли» (Берегущий силы). Каково, а? Тоже ведь недурно звучит?

Шао Цзюсяо, которого и без того допекло прозвище «великий воин Сяо Хун», только собрался было отмахнуться, мол, Меч Беспутства — так, первое попавшееся словцо, благо сам он с головы до пят — сплошной повеса, как вдруг, услышав имя «драгоценного клинка» Фэй Цзиня, едва не поперхнулся собственной слюной.

— Шэн... Берегущий силы? — парня зовут Фэй Цзинь (Тратящий силы), а меч его зовется Шэнли (Берегущий силы)?

О небо, да этот способ давать имена куда ленивее его собственного Меча Беспутства! Сам он, Ночной Демон, по праву считался в боевом мире человеком самым ветреным и непредсказуемым, но сегодня готов был признать полное поражение.

Только что осрамившаяся Чу И не упустила случая съязвить:

— Что за дурацкое прозвание! К тому же, с какого перепугу эта твоя штукovina вообще зовется мечом?

Фэй Цзинь нахмурился:

— Ты тоже жаждешь стать моим поверженным врагом? Да только мастерство твое из рук вон плохо, я с такими не бьюсь.

У него, как у будущего Врага всего боевого мира, имелись свои незыблемые правила: недругов нужно выбирать с умом, а со всякой шантрапой связываться негоже.

— Ах ты!..

Чу Вань поспешно осадила дочь и, смерив Фэй Цзиня взглядом, перевела разговор в иное русло:

— Раз уж молодой воин взялся за сыск, следует договориться об условиях. Ты недавно оклеветал наш клан, заявив о внутренних распрях. Если так, пускай будет так: если не найдешь убийцу среди людей Саньфэнью, ответишь за А-Цзы собственной головой, идет?

Голос ее звучал мягко, но в словах дышал сущий яд. Даже Фэй Цзинь почувал эту черную злобу. Он пришел в Саньфэнью исключительно ради того, чтобы нажать побольше врагов, а тут, в

таком великом клане, приличных мастеров редко где найдешь, отчего юноша изрядно приуныл.

— Ты тоже хочешь стать моей поверженной соперницей? Да у тебя умения еще хуже, не пойдет.

От такого ответа Чу Вань чуть не грохнулась в обморок от злости.

Главе Чу, видимо, изрядно досадил этот девичий щебет, и она сухо велела им либо прикусить языки, либо убираться прочь. За долгие годы правления, будучи мастером высочайшего полета и женщиной суровой, она стяжала непререкаемый авторитет, так что даже родная сестра не посмела произнести более ни слова.

На том и решили. Чтобы Фэй Цзиню и Шао Цзюсяо удобнее было вести дознание, им спешно прибрали покои в гостевом подворье и пригласили расположиться.

Лишь Ван Чаоши перед уходом долго мялся, а затем вполголоса шепнул супруге:

— Чу Цзы ведь доселе незамужняя дева, а они, как-никак, двое зрелых мужей...

Вздумай они обнажить тело Чу Цзы для осмотра, это нанесло бы непоправимый урон девичьей чести. Он и сам понимал, что такое требование свяжет сыщикам руки, но ради дочери вынужден был просить их не прикасаться к усопшей.

Фэй Цзинь, размышляя о чем-то своем, вдруг окликнул его:

— К слову, когда я отыщу убийцу, не соблаговолите ли вы все стать моими поверженными врагами?

— Мы — это кто?

— Да весь ваш клан Саньфэнью.

— ...

Даже когда Шао Цзюсяо наконец уволок Фэй Цзиня из главного зала, вслед им еще долго летело яростное: «Не наглей!». Молодой воин Фэй шел в полном недоумении: «Я ведь из чистого почтения предложил им стать моими поверженными врагами». Тех двух девиц он ведь даже даром брать не стал.

Шао Цзюсяо раскатался громом заливистого смеха:

— Чудесно!

Фэй Цзинь, сообразив, к чему клонят, поспешил отозваться:

— В прошлый раз нам так и не удалось скрестить мечи, ну так как, не желаешь ли ты на этот раз стать моим поверженным врагом?

Ветреный похититель девичьих сердец и мастер меча лишь качнул своим широким алым рукавом и таинственно погрозил пальцем:

— Что до этого вопроса... мы вольны не спеша обсудить его, когда настанет время насладиться прекрасной луной, изысканными цветами и великолепным вином.

И обсуждать хоть всю ночь напролет.

Молодой воин Фэй несказанно обрадовался, истолковав эти слова как боевой уговор со стороны почтенного воина Сяо Хуна, и крепко-накрепко запечатлел их в сердце, твердо решив и дальше усердно оттачивать мастерство владения мечом, чтобы не разочаровать Сяо Хуна.

Однако прежде чем браться за меч, нужно было отыскать злодея, лишившего жизни Чу Цзы, и неважно, принадлежал ли тот к клану Саньфэнью или нет.

Строго говоря, первейшей заботой сейчас было разузнать истинную причину кончины Бессмертной девы Светлой Луны, чтобы отталкиваться от верного следа и распутывать ниточку дальше. Да только супруги Чу наотрез запретили им прикасаться к телу Чу Цзы, а о тщательном осмотре и речи не шло, так что зацепиться было решительно не за что.

Фэй Цзинь понуро устроился на каменных ступенях, невольно заскучав по своему наставнику. Он рассудил, что будь учитель здесь, он бы в мгновение ока вывел скрывающегося в тени злодея на чистую воду к общему удовольствию.

Жаль только, наставник перенес столь тяжкий внутренний недуг, который не отпускал его вот уже несколько десятилетий, так что спуститься с гор ему было не под силу.

К слову, ему ведь еще нужно раздобыть чудодейственное снадобье для его спасения. Пожалуй, стоит улучшить минутку да расспросить братьев по боевому миру, не ведают ли кто, где искать снадобье Сяолунся, и как только здешние дела завершатся, немедля отправиться на поиски.

...И надо же было Бессмертной деве Светлой Луны так некстати помереть! Будь она жива, можно было бы выпросить у нее самой, какая жалость.

— О чем задумался, молодой воин? — пока Фэй Цзинь предавался невеселым мыслям, к нему

легкой походкой подлетел Шао Цзюсяо, держа в руках два исходивших паром больших бауцзы¹. — Тебя с утра пораньше притащили сюда, должно быть, с тех пор крошки во рту не было? На, подкрепись немного.

«Ур-р-р... Ур-р-р-ру...»

Почуяв густой, наваристый аромат мясных бауцзы, желудок Фэй Цзиня тут же отозвался весьма послушным и громким урчанием. Лишь теперь юноша вспомнил, что и впрямь остался без утренней трапезы, а потому без лишних церемоний принял пышный белоснежный пирожок и с ходу съел половину.

Стряпня на кухне Саньфэнью была выше всяких похвал, во всяком случае, по сравнению с тем варевом, что Фэй Цзинь стряпал сам, как придётся, здешняя еда казалась сушим деликатесом.

Шао Цзюсяо, видя, с каким упоением тот уплетает угощение, тоже примостился рядышком на ступеньках, с улыбкой созерцая своего спутника.

Ничего не замечающий Фэй Цзинь в мгновение ока умял первый пирожок и уже почувствовал, что голод понемногу отступает, как вдруг рядом снова раздалось явственное «ур-р-р-ру». Он в недоумении пощупал собственный живот: «Странно, вроде не у меня в животе бурчит». Юноша обернулся на звук и увидел перед собой сплошное алое пятно. Отчего-то интуиция подсказала ему, что это алое пятно сейчас пребывает в крайнем смущении.

Шао Цзюсяо и впрямь сделалось неловко: так усердствовал, желая угодить, что напрочь позабыл, что и сам остался голодным. Впрочем, человеком он был незаурядным, а потому быстро вернул себе невозмутимый вид и протянул руку:

— Может, молодой воин Фэй поделится со мной вторым?

— А, ладно, — Фэй Цзинь тут же протянул ему бауцзы, но в душе закралось какое-то диковинное чувство — ведь этот пирожок Шао Цзюсяо сам ему и принес?

Неужели повара в Саньфэнью до того прижимисты, что выдали всего два бауцзы, и добросердечный Сяо Хун решил уступить оба ему, предпочтя самому остаться голодным? Сердце Фэй Цзиня преисполнилось глубокой признательности. Впихнув пирожок в руку спутника, он ободряюще похлопал его по спине:

— Сяо Хун, ты поистине хороший человек! Но впредь так не делай, в крайнем случае пойдем и поедем за воротами.

Поразмыслив, он выудил из складок пояса пачку ассигнаций и продемонстрировал собеседнику:

— Деньги водятся, прокормимся.

И это были лишь те бумажные деньги, что он взял с собой при спуске с гор. Золото, серебро да медяки, которыми одарил его хозяин трактира «Вантинчунь» с товарищами, так и остались лежать на постоялом дворе, но и этого с лихвой хватило бы на сытный обед.

Шао Цзюсяо едва не поперхнулся от его не поддельной серьезности. Признаться в том, что прихватил всего два пирожка лишь по собственной забывчивости, язык не поворачивался, а потому он лишь смутно угукнул пару раз и поспешил вернуть разговор к делу:

— Так о чем ты недавно размышлял? Вид у тебя был невеселый.

— Думал о деле воительницы Чу, — рассудив, что Сяо Хун хоть и выглядит не таким мудрым, как наставник, но человек недурной и надежный, Фэй Цзинь без утайки излил ему свои горести. Ночной Демон, стяжавший громкую славу во всем боевом мире как похититель сердец, не проливающий крови, раз уж вызвался недавно помочь, разумеется, уже имел кое-какие соображения. Приняв загадочный вид, он принялся поучать юношу:

— У этого мудреца припасен верный план.

— А, ясно.

Ясно? И это все? «Ясно» — и делу конец?! Ты, зря по-твоему, видишь на моем лице такое многозначительное выражение? Разве в тебе не должно было сейчас разгореться любопытство, чтобы ты принялся наперебой расспрашивать меня?

Ожидания Шао Цзюсяо, рисовавшего в воображении картину, как Фэй Цзинь бросается к нему с мольбами поскорее выложить все начистоту, разбились вдребезги. Он вдруг почувал, что если сам продолжит свои речи, то выставит себя сущим глупцом. Он и не догадывался, что Фэй Цзинь попросту не разглядел его «загадочного лика», а потому и любопытству взяться было неоткуда.

...Фэй Цзинь меж тем уже со всей серьезностью силился припомнить, что за человек этот «Мудрец с горы», отчего у него имеется верный план и где теперь его искать.

— Кхм, кхм... Ну так вот. Раз уж нам не дозволено прикасаться к ее телу, то начинать дознание, несомненно, следует с девичьих покоев Бессмертной девы Светлой Луны. Она прожила там долгие годы и, если не случилось непредвиденного, прошлую ночь тоже провела в своей комнате. Весьма вероятно, что беда приключилась именно там, так что при тщательном обыске мы непременно наткнемся на улики.

В конце концов почтенному воину Шао пришлось самому подхватывать собственные речи, да еще и делать это с самым непринужденным и безмятежным видом, будто ничего из ряда вон не

произошло.

К счастью, Фэй Цзинь не уловил неловкости в воздухе. Стоило ему услышать эти слова, как тучи на его лице вмиг рассеялись, сменившись радостью. Он резво вскочил со ступеней:

— Твоя правда! Идем же скорее туда.

Сказать по правде, люди из Саньфэнью проявили к ним удивительное доверие: поручили дело и тут же разошлись кто куда, явив весьма диковинное обхождение. Даже не снарядили никого из внутренних учеников в подмогу... Стоило о ней подумать, как она тут как тут, к ним неторопливой походкой приближалась девица в розовом платье, еще издали издав громкое «хмык!».

Фэй Цзинь сразу признал ее по голосу: то была та самая ученица Саньфэнью, что с утра пораньше громче всех шумела в гостевом дворе.

Она, очевидно, по-прежнему считала, что победа Фэй Цзиня над Чу Цзы — это неслыханная дерзость и неуважение к их старшей сестре, а потому лица на ней не было. С самым скверным видом она буркнула свое имя — Шуцин, добавив, что если Фэй Цзиню в эти дни понадобится подмога, она станет оказывать содействие.

— Вот и ладно, мы как раз собирались навеститься в покои воительницы Чу.

Шуцин кивнула и уже собралась было вести их, как вдруг замерла и уставилась на Шао Цзюсяо:

— И он тоже пойдет? — слово «он» она выговорила с такими причудливыми переливами и придыханием, что несведущий человек подумал бы, будто Шао Цзюсяо когда-то сотворил с ней нечто непотребное.

Один лишь Фэй Цзинь не уловил этих тонкостей и пояснил:

— Ну да, это ведь Сяо Хун додумался, что следует осмотреть опочивальню воительницы Чу.

О как! Известный всему боевому миру ветреный похититель девичьих сердец, славящийся своей слабостью к ночным визитам в женские покои, заявляет о желании проникнуть в спальню первой красавицы Янчжоу. Шуцин уставилась на Шао Цзюсяо взглядом, полным глубокого недоверия и неприкрытого презрения:

— В комнату старшей сестры дозволено входить далеко не каждому. Тебе — нельзя.

Молодой воин Фэй искренне озадачился:

— Отчего же ему нельзя?

— Оттого, что он... беспутный повеса.

— А чем беспутные повесы не угодили?

— Да потому что... Фэй, как тебя там! Ты что, умышленно меня задираешь?!

— И в мыслях не было, — Фэй Цзинь захлопал глазами, искренне не понимая ее гнева. — Боевое мастерство у тебя весьма посредственное, с какой стати мне тебя задирать?

Шао Цзюсяо не выдержал этой сцены и с улыбкой сквозь слезы шагнул вперед, преграждая путь Шуцин. Тон его стал прохладным:

— Девушка Шуцин, ты чинишь нам препятствия и не пускаешь в покои Бессмертной девицы Светлой Луны... уж не оттого ли, что сама не желаешь поимки злодея, лишившего ее жизни?

Лицо Шуцин сперва позеленело, затем побелело, а под конец и вовсе почернело от злости. Метнув на мужчину полный ненависти взгляд, она вынуждена была покорно двинуться вперед, указывая дорогу.

Дворик Хуанциюань (Обитель Феникса), где проживала Чу Цзы, покоился на самой срединной оси всего архитектурного комплекса Саньфэнью, вытянувшись в одну линию с двориком Хуанцзиюань (Обитель Императорского Феникса), где обитала сама глава. Оба они располагались позади главного зала. Поскольку усадьба Саньфэнью занимала огромные уголья и вмещала великое множество людей, по мере продвижения в глубь строений голоса с переднего двора затихали вовсе.

Окинув взором расположение Дворика Хуанциюань, Шао Цзюсяо лишь укрепился в мысли: учини кто здесь хоть какой шум или драку, снаружи никто бы и ухом не повел.

Просторно и уединенно — сущая благодать для того, чтобы сжить человека со свету да замести следы.

Прежде чем переступить порог Дворика Хуанциюань, Шао Цзюсяо как бы невзначай притормозил и указал пальцем на соседнее подворье:

— Девушка Шуцин, а кто живёт за этой оградой?

Тот дворик, хоть и лежал бок о бок с угольями Чу Цзы, размерами значительно уступал Дворика Хуанциюань, составляя от силы треть от ее величины. К тому же он стоял в стороне от срединной оси, отчего веяло от него некоторым запустением и холодом.

Надвратная надпись не была покрыта позолотой — на простом сером камне грубо проступали иероглифы «Цайлуаньюань» (Дворик Разноцветного Феникса-Луаня).

Шуцин лишь мазнула взглядом по воротам и без малейшего почтения бросила:

— Это покои госпожи-кузины, — после чего решительно шагнула в Дворик Хуанциюань. Оглянувшись и заметив, что Шао Цзюсяо все так же созерцает Дворик Цайлуаньюань, она не удержалась от язвительной усмешки: — Что, почтенный Шао, неужели теперь положил глаз на госпожу-кузину?

Под госпожой-кузиной, само собой, подразумевалась Чу И.

Оставим в стороне то, что Чу И нимало не походила лицом на Чу Цзы. Но даже будь они похожи как две капли воды, она все одно не попала бы в круг ценителей Ночного Демона. Нужно знать, что Шао Цзюсяо в выборе красавиц был на редкость разборчив и одной лишь кожей его было не завлечь.

Впрочем, если зашла речь о коже... В душе Шао Цзюсяо что-то шевельнулось, и он как бы между прочим обронил:

— К слову сказать, Бессмертная дева Светлой Луны лицом совсем не походила на свою матушку.

Глава Чу Жун хоть и обладала высочайшим боевым мастерством да дышала непреклонным величием, но если судить строго по лицу, была женщиной весьма заурядной, в лучшем случае — средней наружности. В этом отношении ее родная сестра Чу Вань, равно как и пресловутая госпожа-кузина Чу И, унаследовали ту же породу. А поскольку обе они к тому же не преуспели в боевых искусствах, то затерялись бы в любой толпе, и не найдешь.

И надо же было среди них явиться Чу Цзы, которая своей красотой выделялась среди семейства Чу как журавль среди стаи кур! Обыватели Янчжоу величали ее «первой красавицей» вовсе не из страха перед могуществом Саньфэнью и не ради лести, она поистине заслуживала этого звания.

Даже Шао Цзюсяо, исходивший немало цветников и привыкший ежедневно лицезреть собственное отражение в зеркале, вынужден был признать: Бессмертная дева Светлой Луны и впрямь была недурна собой, подобно чарующему лунному свету над Янчжоу.

Конечно, на его вкус, Фэй Цзинь был куда заманчивее.

Впрочем, если приглядеться тщательнее, Чу Цзы чертами лица изрядно напоминала Ван Чаоши. Манерой держаться, конечно, не походила: Ван Чаоши долгие годы находился в полном подчинении у властной супруги и привык держаться тенью, отчего в его повадках сквозила

некоторая робость, а само лицо оттого казалось менее приметным.

Но если разбирать одни лишь черты лица, Ван Чаоши и впрямь был весьма недурен. Немудрено, что Чу Жун в свое время среди молодых и красивых воинов боевого мира выделила именно этого мужчину.

Как ни крути, а красивое лицо любят все — что мужчины, что женщины.

Шуцин, как и следовало ожидать, подхватила его мысль:

— Твоя правда, старшая сестра лицом куда больше походила на почтенного Вана.

Вот вам и разница. Чу Жун для них — глава клана, пред которой они благоговейно склоняются, а Ван Чаоши — всего лишь какой-то «почтенный Ван», да и в этом «почтении» искренности едва ли на грош.

Интересно, а сам Ван Чаоши, будучи как-никак взрослым мужем, мирился ли с такой долей?

Шао Цзюсяо, размышляя об этом, повернулся было к Фэй Цзиню, но тот уже вслед за Шуцин проскользнул во двор и теперь вдруг закричал оттуда:

— Сяо Хун, Сяо Хун! — по голосу было слышно, что он увидел нечто из ряда вон выходящее.

Ночной Демон поспешил следом, но не успел он окинув взглядом подворье, как услышал полное недоумения восклицание Фэй Цзиня:

— Пред дверями воительницы Чу разлилось сплошное розовое марево!

...Это не марево, это люди, — уж не весть, разнеслась ли весть об их сыске по всей усадьбе, но во Дворике Хуанциюань собрались едва ли не все праздные обитатели Саньфэнью. Они без умолку щебетали, взирая на пришельцев: кто с любопытством, кто с великой скорбью, кто с яростью, а кто и с тоской — чувств мешалось без счета.

Впрочем, большинство, пожалуй, явились просто поглазеть на зрелище.

Однако сейчас забота была в ином. Шао Цзюсяо со всей серьезностью воззрился на Фэй Цзиня и опустил ладонь ему на плечо:

— Молодой воин Фэй, у тебя... что, со зрением нелады?

— Ну да, а ты как догадался? — Фэй Цзинь и не думал ничего таить.

Шао Цзюсяо вдруг ощутил невыразимую тоску: догадываться нужно было не сейчас, а давным-давно! Надо же было ему столь долго обманываться этими чистыми, влажными глазами! И ведь сам же вбил себе в голову, будто разговоры Фэй Цзиня с коровой за городскими воротами — это проявление его причудливого нрава!

То ли Фэй Цзинь так искусно притворялся, то ли он сам в последнее время знатно поглупел — Шао Цзюсяо невольно погрузился в глубокие раздумья.

Примечания переводчика:

1. Бауцзы (包子): Китайские пирожки из дрожжевого теста, приготовленные на пару, с мясной или овощной начинкой.

<http://bllate.org/book/17303/1730829>